

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР им. Е.И. КРУПНОВА

**ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
И КУЛЬТУР СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

**XXVI «Крупновские чтения»
по археологии Северного Кавказа**

Магас. 26-30 апреля 2010 года

**Тезисы докладов
Международной научной конференции**

Магас – 2010

УДК 902/904
ББК 63.4+237.7
П78

Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. 26-30 апреля 2010 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас, 2010.

Редакционный совет: д.и.н. Багаев М.Х.
д.и.н. Гаджиев М.С.
д.и.н. Мужухоев М.Б. (отв. ред.)

П78 Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. (Тезисы докладов Международной научной конференции) – Магас: ООО «Пилигрим», 2010 г. – 392 с.

УДК 902/904
ББК 63.4+237.7

Сборник составлен по материалам, представленным к международной конференции, посвященной светлой памяти Евгения Игнатьевича Крупнова, выдающегося северного археолога и кавказоведа, одного из основателей российской археологической школы на Северном Кавказе. Сборник посвящен кавказоведению.

В оформлении обложки использованы фотографии:

– лицевая сторона обложки – бронзовый орел-водолей из святилища Эрдыни в с. Эрзи (горная Ингушетия). Авторы фото – Д.В. Белецкий, Л.Д. Мазур;
– обратная сторона обложки – разновременные археологические находки с территории Республики Ингушетия и скульптуры с фасадов храма Тхаба-Ердыни (Ингушетия). Авторы фото – Д.В. Белецкий, Л.Д. Мазур.

© Археологический центр
им. Е.И. Крупнова. 2010.
© Авторы тезисов. 2010.

II – средний этап – 1550–1400–1350 гг. до н.э., время расцвета характерных черт культуры;

III – поздний этап – 1400–1350–1200 гг. до н.э., время заката культуры.

В развитии КХК намечаются три фазы: ранняя, средняя и поздняя. Генезис ее приходится на конец эпохи средней бронзы и на переходный период от средней бронзы к поздней, основное развитие проходит в переходный период и начало эпохи поздней бронзы. А на конец эпохи поздней бронзы приходится ее заключительный период, когда происходит постепенная трансформация ее в культуры финального периода эпохи поздней бронзы – в зандакскую и мугерганскую.

Отметим, что предложенная хронология и периодизация КХК основывается на традиционных датах, но тем не менее учитывающая имеющиеся для памятников СВ Кавказа радиоуглеродные даты, как традиционные, так и калиброванные.

Определение хронологических рамок и места памятников КХК, позволяет точнее и правильнее составить представление о культурно-историческом развитии населения Дагестана в эпоху СБ и ПБ, а также осветить вопросы взаимосвязей культур ранних этапов эпохи СБ и КХК, которые сыграли большую роль в раннем этапе этногенеза древнего населения Северо-Восточного Кавказа.

Аксёнов В.С.
(г. Харьков)

**К вопросу об исходном районе проживания населения, оставившего памятники раннесалтовского времени в бассейне Северского Донца
(по материалам Нетайловского грунтового могильника)**

На сегодняшний день общепризнанным является мнение С.А. Плетневой, разделявшей гипотезу о появлении алан в бассейне Северского Донца. Что первые поселения и могильники салтовской культуры должны были возникнуть в бассейне Северского Донца в 50-х – 60-х гг. VIII в., после похода Мервана 737 г. (Плетнева, 1989, с. 168 – 169). Памятники этого начального этапа становления салтовской культуры в регионе в настоящее время выделены в хронологический горизонт Столбище-Старокорсунская (740 – 790 гг.) (Комар, 1999; Комар, 2000). Однако, несмотря на сравнительно неплохую изученность хазарских древностей бассейна Северского Донца, комплексы раннесалтовского времени представлены единичными находками. Пока массовые находки погребальных комплексов этого времени известны только на Нетайловском грунтовом могильнике, расположенном напротив эпонимного памятника – городища и могильника у с. Верхний Салтов.

Так, за последние годы (1990 – 2009 гг.) на могильнике был исследован ряд погребений (№№ 132, 134, 139, 164 «Б», 215, 250, 267, 380, 413, 491, 498).

в инвентаре которых были обнаружены литые элементы поясной гарнитуры (пряжки, бляшки, наконечники пояса) с ажурным растительным орнаментом. Аналогичные элементы поясной гарнитуры представлены в захоронениях типа Соколовская балка (Иванов, Копылов, Науменко, 2000, с. 13; К. мар. Пюро, 1999, табл. 1), которые связываются в настоящее время собственно с хазарами.

В погребениях Нетайловского могильника встречены также элементы одежды и личные украшения, которые не находят себе аналогов в «классических» салтовских древностях. К таким изделиям относятся фибулы, которые по форме могут быть отнесены к двум типам.

Тип 1. Т-образные фибулы с прямоугольным щитком на корпусе, в месте перехода спинки в вытянутую пластинчатую ножку. Спинка у фибул пластинчатая, выгнутая. По ее центру проходит своеобразное ребро жесткости. Соединение иглы шарнирное. Фибулы имеют по одной перекладине. Фибулы данного типа изготовлены из бронзы (погр. № 143, 398) или серебра (погр. № 397, 480). Ближайшей аналогией бронзовым фибулам типа 1, является фибула из погребения № 4 Сельментаузенского могильника в Чечне (Багаев, Мамаев, 2009, рис. 4Б: 33). Фибулы, типологически близкие серебряным нетайловским застежкам типа 1, достаточно широко представлены в памятниках VIII - IX вв. Осетии, Дагестана и Чечено-Ингушетии (Амброз, 1966, с. 46, табл. 6: 9; Багаев, 2004, с. 143, рис. 6: 10, 11; 7: 1). Однако, на раннесредневековых памятниках (VIII - IX вв.) Северного Кавказа подобные фибулы довольно часто имеют на конце ножки три шаровидные «грузики» (Амброз, 1971, с. 46, табл. 6: 9; Багаев, 2004, с. 143, рис. 6: 12, 13; Багаев, Мамаев, 2009, рис. 3А: 7, 11; 4Б: 21; 5: 22; 7Б: 1; 8Г: 26). Единичные экземпляры, аналогичные северокавказским литым бронзовым фибулам с тремя шаровидными «грузиками» на конце ножки, встречены пока только в захоронениях Верхне-Салтовского катакомбного могильника (например: катакомба № 25) (Бородулин, 1993).

Тип 2. Кованные Т-образные фибулы с трапециевидной пластинчатой прогнутой спинкой и лопатовидной плоской ножкой. Соединение иглы шарнирное. Конец ножки подогнут и образует иглоприемник. Фибулы данного типа изготовлены из серебра (погр. № 460, 164"Б", 340, 440). В месте перехода спинки в ножку у некоторых фибул (погр. № 164"Б", 340, 440) располагается квадратный в плане щиток, слегка возвышающийся над поверхностью ножки. Щиток украшен гравированными линиями и солярными знаками (точка в круге). Точные аналогии данным фибулам мне не известны. Хотя фибуле из погр. № 460 типологически близкими являются застежки, найденные в захоронении № 8 Коминтерновского II могильника турбаслинской культуры (вторая половина VI - VII вв.) (Казаков, 1996, с. 54, рис. 4: 17, 18). В качестве отдаленной аналогии данным нетайловским фибулам, вероятно, можно назвать застежки с плоской лопатовидной ножкой (тип 3 по М.Х. Багаеву) с дагестанских памятников VIII - IX вв. (Багаев, 2004, с. 143, рис. 6: 8).

Вместе с фибулами в некоторых погребениях были найдены массивные височные подвески с 14-ти гранной бусиной и массивные браслеты с расширяющимися концами и расширением в средней части. Височные подвески с 14-ти гранником из погр. № 164 «Б», 340, 397 - серебряные, полые внутри. Подвеска из погр. № 398 изготовлена из бронзы, цельнолитая. Д.М. Атаевым было высказано предположение о дагестанском происхождении данной формы серег. Для Дагестана подвески с 14-ти гранником были излюбленной формой на протяжении более тысячи лет, с IV – V вв. до развитого средневековья (Атаев, 1963, с.56, Атаев 1963а, с. 231 - 235). Браслеты, подобные входящим в состав инвентаря погребений № 164 «Б», 340, 397, характерны для памятников Дагестана V – VII вв. (Атаев, 1963, с. 60). При этом на памятниках Дагестана браслеты, аналогичные нетайловским, и височные подвески с 14-гранной бусиной на конце в погребениях обычно сопутствуют друг другу (Атаев, 1963, с. 52).

Погребальный инвентарь (детали поясной гарнитуры, монеты) погребений с данным набором украшений позволяет датировать данные нетайловские захоронения 40 - 80-е гг. VIII (Белік, 2002, с. 15; Гавритухин. 2005. с. 414 - 415; Комар, 1999, с. 129 - 132).

Таким образом, погребения с рассмотренным набором личных украшений (фибулы, височные подвески, браслеты), по-видимому, принадлежали первым переселенцам с Северного Кавказа в бассейн Северского Донца или их прямым потомкам. При этом сам набор украшений указывает на вероятный исходный район проживания населения, оставившего раннюю группу захоронений Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры. – Дагестан, предгорные районы Чечни и Ингушетии.

**Албогачиева М.С. (г. Санкт-Петербург)
Гадиев У.Б. (г. Магас)**

Обряд посвящения коня умершему у ингушей

Обычай погребения коней известен в археологических культурах Северного Кавказа еще с эпохи бронзы. Он был, в частности, распространен в Кобанской культурно-исторической общности, где подобные элементы погребальной практики документированы находками скелетов лошадей в погребениях как раннего, так и позднего ее этапов (Козенкова, 1977, с. 22-24; 2002. с. 97). Как деталь похоронного обряда, обычай захоронения коней доживает на Северном Кавказе вплоть до монгольского времени (см. тезисы Е.И. Нарожного в настоящем сборнике) и известен в могильниках с разными погребальными конструкциями. В частности, скелеты лошадей зафиксированы в Змейском (Куссаева, 1961, с. 57) Алхастинском (Гребенец, 1914), Салтовском (Покровский, 1905, с. 468), Даргавском (Дзаттиаты, 2010) и других катакомбных могильниках Северного Кавказа). Также они представлены, напри-